

С. 26.

Кшиштоф Варликовский привез в Москву «Крум»

Жизнь без антракта

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Центр имени Мейерхольда собрался завести у себя новую традицию — ежегодные Мейерхольдовские встречи. Идея хоть куда: приглашать к себе раз в год какого-нибудь крупного европейского режиссера, честовать его всячески и показывать Москве спектакли этого человека — живьем и на видео. Радует, что для первых Мейерхольдовских встреч герой подобран правильный. Поляк Кшиштоф Варликовский — это не свадебный генерал преклонных лет, у которого все заслуги в прошлом и на котором удобно делать пиар. Варликовскому 44 года, он один из действующих лидеров сегодняшнего европейского театра, а «Крум» по пьесе израильского писателя Ханоха Левина — один из лучших его спектаклей.

Вначале следует предупредить, чем может отпугнуть этот «Крум»: три часа без антракта, а на сцене, если брать внешний сюжетный ряд, ничего особенного вроде и не происходит. Две скучные свадьбы и две смерти малоинтересных людей — вот и все, что мы увидим. Спектакль Варликовского словно сразу предупреждает зрителя: «Меня нужно перетерпеть». Перетерпеть примерно так же, как все мы терпим нашу долгую и однообразную жизнь, в которой тоже не предвидится никакого антракта.

Герой пьесы Ханоха Левина по фамилии Крум все время пребывает в ожидании какой-то иной, новой жизни. Ему 40 лет, мать ждет, когда же он женится и сделает ее бабушкой, а он лишь твердит в ответ: «Мне нужно что-то большее». Однако ничего большего, чем серые отвратительные будни, ни он, ни остальные герои спектакля Варликовского, видимо, не заслужили. Вентиляторы на потолке так и будут вяло перемалывать воздух, не давая этому миру никакой надежды на сильный порыв ветра.

«КРУМ». — ЭТО СПЕКТАКЛЬ О НАШЕЙ ДОЛГОЙ ОДНООБРАЗНОЙ ЖИЗНИ, В КОТОРОЙ НЕ ПРЕДВИДИТСЯ АНТРАКТА

Начало новой, прекрасной жизни каждый из персонажей маркирует для себя каким-то особенным событием, которое вот-вот должно произойти. Крум (красивый, умный, талантливый — и, может быть, не только в глазах своей мамы) мечтает о дне, когда он наконец сядет писать роман. Но так и не садится. Его друг Тугати — почти двойник героя, но только сниженный, полукомичный. В отличие от Крума, он некрасив, глуп, бездарен, но вот уже 15 лет тоже мечтает о новой жизни: о том прекрасном моменте, когда он наконец начнет делать зарядку. К несчастью, он никак не может решить, когда лучше делать зарядку — по утрам или по вечерам. И умирает, так и не справившись с этой проблемой.

Женщины здесь мечтают заполучить мужей, надеясь, что это изменит их жизнь, а мужчины, похоже на гоголевского Поприщина, от них шарахаются. «Одна меня выплюнула, другая проглотит — вот и вся история жизни?» — риторически вопрошает Крум. Герои пьесы Ханоха Левина живут в Израиле, и иногда режиссер действительно пускает на большой экран кинокадры с реалиями израильской жизни. Но в каком именно городе — израильском или поль-

ском, русском или французском, провинциальном или столичном — происходит действие, для спектакля Варликовского совершенно несущественно.

Умрет от рака друг — так его кремируют, а потом, с трудом подобрав приличествующие случаю слова, сдуют со стола, согласно заветанию покойного, высыпаемый из урны пепел. Ничего большего, чем этот пренебрежительный жест, некрасивые люди, населяющие этот мир, по мысли Варликовского, и не заслужили.

Уродливый серый мир преобразится в польском «Круме» лишь однажды, когда двое не очень умных мужчин и две не очень красивые женщины отправятся вместе на какой-то киносеанс. Серебряный шар (им сейчас в театре вообще-то пользуются все кому не лень, но Варликовский своими светозвуковыми эффектами сумел добиться каких-то фантастических и небанальных результатов) озарит все закоулки театра, и Крум скажет в зал что-то про два часа правды посреди океана лжи, которым является вся так называемая «настоящая жизнь». «Крум» Варликовского — это, по сути, несколько часов сценической правды. А ради такого и отсутствие антракта потерпеть не жалко. ГАЗЕТА